

УДК 94(57):94(470) «18»

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-106-122

ВОДВОРЕНИЕ РУССКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1865–1886 гг.)

Мухамедина Ш.

*Уфимский государственный университет экономики и сервиса
450078, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145, Российская Федерация*

Аннотация. В статье затрагиваются исторические вопросы места постсоветских государств Центральной Азии в иерархии современных международных отношений. Рациональным геополитическим выбором народов Центральной Азии и Казахстана можно считать формирование евразийской идентичности при региональном лидерстве Российской Федерации. Такое решение исходит из исторического опыта Российского государства по принятию народов Средней Азии и Казахстана в российское подданство и их гражданскому устройству.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, Бухарский эмират, Хивинское ханство, военно-народное управление, генерал-губернаторство.

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN CITIZENSHIP IN CENTRAL ASIA (1865–1886 YEARS)

Sh. Mukhamedina

*Ufa State University of Economics and Service
145, Chernyshevsky Street, Ufa, 450078, the Russian Federation*

Abstract. The article touches upon the historic issues of the real geopolitical space of the post-Soviet States of Central Asia in the hierarchy of international relations. The only rational geopolitical choice of the peoples of Central Asia and Kazakhstan can be regarded the formation of the Eurasian identity with the regional leadership of the Russian Federation. Such idea comes from the historical experience of the Russian state on the adoption of Russian citizenship by the peoples of Central Asia and Kazakhstan, as well as for their civic organization.

Key words: the Russian Empire, Turkestan, Bukhara emirate, Khiva khanate, military and national governance, governor-general's governance.

Российская Федерация как мировая держава несет историческую ответственность не только за собственные общенациональные интересы, но и за взаимодействие с народами, находившимися столетиями в единой с ней государственно-

© Мухамедина Ш., 2016.

политической и экономической системах. Укрепление евразийской интеграции является одной из современных стратегических задач Российской Федерации, которая является региональным лидером в процессе этой интеграции. Выбор рассматриваемой темы вызван, в том числе нынешними историографическими противоречиями в интерпретации вхождения Средней Азии и Казахстана в состав Российской империи.

Доминирующую концепцию национальных историй можно сформулировать следующим образом: Российская империя завоевала Среднюю Азию и Степной край, установила там военно-окупационную власть – в результате чего народы этого региона лишились независимости, государственности и богатых природных ресурсов. В подобных «исторических трудах» Россия представляется как агрессивная держава, ничем не отличающаяся от классических метрополий. Более критично на сей счет высказались К. Аймермахер и Г. Бордюгов. Они считают: «Для нынешнего «переписывания» историй характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей» [11, с. 8]. Данная критическая оценка с предельной точностью характеризует определяющую тенденцию в изложении национальных историй в целом, а рассматриваемой нами проблемы – в особенности. Безусловно, есть научные исследования, в которых представлен позитивный образ России и

её решающая роль в переходе народов региона на новый уровень цивилизационного развития.

Территориальные рамки работы охватывают Центральную или Среднюю Азию (в историческом измерении – Русский Туркестан), а в современном представлении – Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Хотя Казахстан географически и относится более к Средней Азии, чем к Европе – тем не менее казахстанская тематика в силу особенностей требует отдельного предметного исследования. В целях удобства для обозначения будут употребляться географические номенклатуры «Евразийский регион» или просто «регион». Хронологические рамки (1865-1886 гг.) выбраны не случайно, но потому что с этими датами связаны переломные события в истории Туркестана: от взятия Ташкента до законодательного Положения 1886 г., по которому Туркестан обрел статус края.

Принятие народами Центральной Азии русского подданства – многофакторный процесс и довольно длительный исторический этап в их социально-культурном возрождении. Русское присутствие в регионе началось еще при Московском царстве. Иван Грозный «поддерживал» сношения с джунгарскими ханами и дал согласие на путешествие Дженкинсона, посланного в 1558 г. английской компанией из Москвы на восток от Каспийского моря. Дженкинсон обнаружил, что торговля Бухарии с Россией была довольно значительна» [9, с. 121]. При Борисе Годунове в Москву приезжали бухарские и хивинские посланцы – их основная задача заключалась в развитии торговли с Русским государством.

Михаил Федорович и его сын Алексей Михайлович проводили политику сближения с соседними странами путем расширения торговых связей и использования их как транзитных коридоров на пути к Персии и Индии: «Из Бухары, например, ожидали огромных присылок золота и шелку». Наряду с этим русские цари хотели положить конец гуманитарной катастрофе – прекратить русское невольничество или рабство в среднеазиатских ханствах путем дипломатических приемов, что позже русской общественностью признавалось как «зародыш будущего цивилизаторского воздействия на эти ханства» [19, с. 57-58]. До XVIII в. российские власти надеялись на установление взаимовыгодных с соседними народами и их правителями отношений и поэтому не проводили радикальных внешнеполитических акций, сопряженных с военными походами.

Прорыв в азиатском направлении связан с именем Петра Великого. По его указу были снаряжены две военные экспедиции под командованием офицера И.Д. Бухгольца и князя А. Бековича-Черкасского. В указе подчеркивалось, что «князь Черкасский посылается в Астрахань, и оттуда далее на Каспийское море, для некоторого нужнейшего дела и ...повелевалось дать в его распоряжение отряд из 1500 чел. и деньгами 5000 руб. на расходы [1, с. 286]. Черкасскому также поручалось «снабдить хивинского хана русской гвардией, расположив его тем к себе и сделать попытку склонить бухарского эмира к принятию русского подданства или же хотя бы завязать с ним прочные дружеские отношения» [2, с. 138]. В результате предательской так-

тики с хивинской стороны – Бухголец и его экспедиция вынуждены были вернуться обратно. Бекович-Черкасский погиб мученической смертью, став жертвой обмана хивинского хана. Провал экспедиций не стал причиной пересмотра политики Российского государства по отношению к Средней Азии. Центральная власть почти до конца XVIII в. в вопросах взаимоотношений с соседними народами делала упор на пограничную местную власть – оренбургскую и сибирскую.

Внешняя политика Российской империи на рубеже XVIII-XIX вв., благодаря усилиям императора Павла Петровича, становится всеобъемлющей – среднеазиатский вектор превращается в один из стратегических приоритетов Империи. В первую очередь был пересмотрен весь спектр торговых и дипломатических отношений, так как наряду с определенными успехами, имелись и крупные издержки, даже провалы. Продолжались похищение российских подданных, их продажа на восточных рынках, ограбление торговых караванов и нарушение договорных условий со стороны ханов. В этой связи предстояло на новых организационно-политических и правовых основах упорядочить отношения с соседями, для чего необходимо было учреждать специальную государственную структуру.

Именной указ Павла I, данный Государственной коллегии иностранных дел от 26 февраля 1797 г. «Об учреждении при оной коллегии Особого департамента для отправления дел, касающихся азиатских народов» положил начало комплексному подходу к выработке долгосрочной среднеазиатской стратегии [16, с. 136]. Уже

19 апреля 1819 г. указом Александра I при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский департамент, преобразованный в 1897 г. в Первый департамент МИДа. Граф К.В. Нессельроде в предписании от 22 апреля 1819 г. указал, что «департамент имеет главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или в других каких-либо сношениях» [13, с. 90].

По инициативе Министерства иностранных дел (до 1832 г. Государственная коллегия иностранных дел) было подготовлено несколько дипломатических миссий в Среднюю Азию для установления добрососедских и торговых отношений. Сам глава внешнеполитического ведомства лично составлял инструкции для руководителей научных экспедиций, одна из которых была поручена действительному статскому советнику А. Негри, специалисту по восточным языкам. В инструкции управляющего Государственной коллегией иностранных дел графа К.В. Нессельроде указывалось, что «цель сей Миссии достойна Правительства мудрого и просвещенного: она ограничивается предложением Бухарии выгодной и безопасной торговли и приобретением разных сведений о сей любопытной стране, соседственной нам, но отдаленной от нас пустынями и песчаными Морями». Выезд миссии (10 октября 1821 г.) был обставлен торжественными мероприятиями и её сопровождали 200 уральских и оренбургских казаков и конная артиллерия. При миссии находились военные специалисты и ученые, как Генерального Штаба капитан барон Е. К. Мейендорф, поручик В.Д. Вольховской и

доктор Э.А. Эверсман и натуралист Х. Пандер.

В результате разносторонней дипломатической деятельности и историко-этнографических и геологических изысканий было собрано огромное количество ценных сведений. Самое главное достижение – это возвращение на Родину 80 пленников, среди них – крестьяне, мещане, рабочие [4, с. 31-49; 6, с. 446]. Дипломатическая миссия под руководством Негри достигла и другой цели – «узнать Бухару и изъяснить бухарцам благодетельные виды российского императора» [9, с. 7]. Миссионеры за три месяца пребывания успели провести рекогносцировку местности и топографические съемки. Их поразили пейзажи Средней Азии, архитектурные ландшафты городов и этнографическое многообразие. Столичные (петербургские) солидные издания с охотой предоставляли свои страницы для публикации материалов экспедиции. Подобные дипломатические миссии, научные и военные экспедиции позволяли расширять представление о среднеазиатских землях и народах, ханствах и их стратегических целях и тактических задачах.

Что же из себя представляли среднеазиатские феодальные общества, находившиеся на разных стадиях государственно-политического оформления? По территориальным параметрам регион был огромной величиной – Туркестан превосходил Австрию, Германию, Данию, Францию и Италию, вместе взятые [2, с. 1]. Однако при наличии огромной территории народы Средней Азии не сумели создать единое централизованное государство. По мнению дореволюционных ученых, в частности Д.Н. Анучина и

О.А. Шкапского, «Природа Туркестана показывает, что в нем не могло получить прочное существование одно большое государство. Для развития гражданственности пригодна лишь полоса предгорий и долины, так как только там может существовать оседлое земледельческое население... история свидетельствует, что в Туркестане всегда были небольшие владения, которые поэтому не могли противостоять влиянию соседних больших государств с одной стороны и нашествию кочевых орд – с другой» [14, с. 31].

Геополитический фон Средней Азии был весьма уязвим – она граничила не только с Российской империей, но и с Китаем, Персией, Индией и Афганистаном. Международное положение среднеазиатских ханств обуславливало их политический курс, характеризуемый ситуативностью в выборе политических союзников и торговых партнеров. На территории Средней Азии существовали три крупных ханства: Бухарское, Кокандское и Хивинское – находившиеся почти на одном уровне государственного строительства и социально-экономического развития. Все они имели общую характерную черту – разобщенность правящей элиты и конфликт интересов между собой. Завоевательные войны при отсутствии четких государственных границ в Средней Азии были привычным явлением и источником международной напряженности.

В первой половине XIX в. в ханствах (в общей сложности) проживало 5 млн. 700 тыс. чел., включая жителей небольших ханств – Балкского и Шерсабеского. Бухарское ханство по демографическим параметрам превосходило остальные – численность населения

равнялась 2 млн. 500 тыс. чел., тогда как в Кокандском – 1 млн. 200 тыс., в Хивинском – 900 тыс., а в Балкском и Шерсабеском ханствах, вместе взятых, население составляло 1 млн. 100 тыс. чел. Сложившаяся в ханствах система государственного управления была однообразна – включала ханский двор и придворных, податную службу, армию в составе регулярной конницы и иррегулярных ополчений [21, с. 82-83].

Бухарское ханство (правитель носил одновременно титулы и хана, и эмира, то есть главы правоверных) по административно-территориальному устройству включало округа во главе с хакимами. Государство управлялось лицами придворных званий: аталык был высший придворный чин, дадха – чин командующего войсками, инак – тайный советник, кази – судья. Широкими полномочиями наделен был куш-беги – глава эмирской администрации [9, с. 134]. Бухарский эмират по военно-техническим, экономическим, торговым и образовательно-культурным параметрам значительно превосходил остальные ханства, но средневековое патриархальное правление сильно тормозило культурное развитие населения.

Со второй четверти XIX в. в Бухарском эмирате началось реформирование регулярных войск, для которых была выделена отдельная слобода. И наибольшее удивление у общественности вызывала новая военная форма, а именно «пехота, одетая в короткое платье, состоящее из красной куртки, белых панталон и персидской шапки; каждый солдат вооружен ружьем со штыком, саблей и двумя пистолетами». Модернизации подверглась и артиллерия, состоявшаяся из 80 ору-

дий. Шагрух-хан выписал из России «генеральский мундир, со всеми принадлежностями». Офицерам предписывали ношение эполетов. Все это выглядело как внедрение европейских образцов в армию. Однако войско состояло из иностранцев. Из 500 солдат и офицеров, числившихся в Бухарском регулярном войске, 450 были персиянами [1, с. 210-211; 20, с. 71].

Кокандское ханство по форме и сущности правления походило на Бухарский эмират. Территория ханства была поделена на 15 бекств во главе серкедами. Серкедэ являлся полновластным хозяином вверенной территории и состоял в родственных связях с ханским окружением. За общественным порядком следил курбаши или начальник полиции. Налоговую службу возглавлял аминалий. Налогов было множество – херадж (десятинная), танапная (с огородных растений), зякет (торговый сбор с товаров и скота), пошлины за право торговать, за соль и другие поборы. Главой судебной власти был кази [8, с. 61-64].

Аналогичное правление было и в Хивинском ханстве, которое постоянно соперничало с Бухарским эмиратом. Территория Хивинского ханства расширялась в результате завоеваний и в первой половине XIX в., оно по занимаемой площади (19 тыс. кв. миль) превосходило соседние ханства (Бухарское и Кокандское ханства, каждое по отдельности, занимало по 10 тыс. кв. миль). Хивинский наследственный хан, как абсолютный монарх, был источником закона. Он опирался на придворных чинов – мехтера (по гражданским делам) и накйба (по духовным вопросам). В ханстве было четкое этносоциальное расслоение. Так, узбеки,

таджики, евреи занимались торговлей, хлебопашеством, садоводством, а туркмены, каракалпаки, кыргызы и казахи – скотоводством. Ханские доходы за год достигали до 4 млн руб. ассигнациями. Одним из устойчивых источников ханского благосостояния был налог с котла, аналогичный подушной подати в России. В отличие от соседей, хивинский хан не имел регулярных войск, но в случае военной необходимости он мог собрать до 25 тыс конницы [21, с. 77, 83].

Эти ханства объединял сугубо средневековый монархический режим, сопряженный с патриархальными порядками и традициями. При рациональном управлении в этих странах можно было создать европейского типа государственный строй и общественное производство, в этой связи были некоторые предпосылки. Народы Средней Азии не были обделены просветительским и предпринимательским талантом, хозяйственной сноровкой, благодаря чему успешно развивалось кустарное производство, садоводство, хлебопашество и наконец – скотоводство. Наиболее перспективными отраслями экономики считались хлопководство и шелководство. Здесь были некоторые уникальные предприятия – впервые на Востоке в Бухаре «из коры тутового дерева делают прекрасную бумагу, которая славится на всем Востоке» [21, с. 81, 82].

Однако правящие режимы со всеми составляющими – поборами, налогами для ханской казны, сковывали частную инициативу, крепили социальный гнет и поощряли феодальные распри или междоусобицы. Более того, при прямом попустительстве, даже при участии ханов и их чиновников про-

должался преступный бизнес – похищение людей с целью продажи в рабство, нападение на торговые караваны и ограбление торговцев, бандитизм и интриги. Уже ко второй половине XIX в. кризис ханской власти стал необратимым. Для подтверждения можно привести наблюдение известного востоковеда и собирателя восточных рукописей А. Куна, следовавшего с научной целью в составе Главной квартиры генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана на Коканд. Он писал: «август месяц 1875 г. и последующее затем время показало, как глубоко пустила корни болезнь всеобщего недовольствия против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и т.п. действиями. Кокандское ханство до сих пор, как известно, охвачено внутренними беспорядками... Оседлые жители, сарты сравнительно, как более развитая часть населения, богатая средствами, несмотря на то, что весьма часто в борьбе с кочевниками приобретала право распоряжаться судьбою ханства, никогда не бывала в силах удержать эту власть по причине деморализации общества, погрязшего в мелочных [торгашеских] интересах» [8, с. 59-70].

Великая реформа Александра II вплотную коснулась азиатского направления внешнеполитической деятельности государства. Российское правительство (Государственный совет во главе с императором, Комитет Министров, военное, иностранное и внутренних дел ведомства) определилось решительно относительно Туркестана. Особую озабоченность у российских властей вызывало отсутствие гарантии безопасности государствен-

ной границы и торговых караванов. Неоднократные дипломатические заверения со стороны хивинского хана и бухарского эмира по поводу возвращения российских невольников оставались пустым звуком. Одной из глобальных причин предполагаемого военного наступательного движения на Центральную Азию было приближение Англии к её пределам. Тревожно было и со стороны Китая и Кокандского ханства, не раз подстрекавших казахов Большой и Средней орд на антироссийские выступления. В такой обстановке не было никакой альтернативы военным походам, что соответствовало национальным интересам российских народов.

В результате наступательных военных действий к 1885 г. все главные города Средней Азии были заняты русскими войсками. Среди них можно назвать стратегически важные города и укрепления, такие, как Аулие-Ата, Чимкент, Самарканд, Хива, Коканд, Ашхабад, Туркестан, Мерке, Верное. Событием международного значения стало взятие М.Г. Черняевым г. Ташкента (15 июня 1865 г.), одного из крупнейших восточных торговых и транзитных центров. Надо подчеркнуть, что командующие войсками, прежде чем начать наступление, старались мирным путем решать конфликтные вопросы. Тем более, что городские жители настроены были благожелательно по отношению к русским. Например, оренбургский генерал-губернатор и командующий оренбургскими войсками Н.А. Крыжановский 29 августа 1865 г. на городской площади Ташкента объявил Высочайшую волю Императорского Величества о принятии ташкентцев в русское подданство, что

было встречено гулом одобрения со стороны десятки тысяч местного населения¹.

В августе 1866 г. Н.А. Крыжановский напрямую обратился к жителям Бухары с таким воззванием: «Ваш эмир весной нынешнего года захотел воевать с русскими войсками и был разбит под Ирджаром. Теперь я предлагал ему заключить прочный мир, выгодный для всех, и возобновить прежнюю торговлю, приказал даже отпустить в Бухару все караваны, находившиеся в русских владениях, но эмир, внимая советам злых людей, мириться с русскими не желает, а потому война должна возобновиться. Начиная её, я объявляю всем мирным жителям, что воюю только с эмиром и его войском, а не с мирными жителями, которым желаю одного добра. Всякий спокойный человек, кочевой или живущий в городах и селах, может быть уверен, что войска наши его не обидят, обойдутся с ним совершенно дружелюбно и заплатят за все, что будет у него куплено, да постигнет смерть и несчастье тех, которые не видя и не понимая истинных польз Ваших, вооружатся против русских войск и гласятся помочь эмиру в деле неправом и гибельном для его же подданных».

О взаимопонимании между местными жителями и военными свидетельствуют адреса, подготовленные горожанами. Уважение к первому устройтею Туркестанской области М.Г. Черняеву подтверждается обращением жителей Ташкента императору Александру II со словами: «Все-подданнейшая просьба наша состоит в

том, что с самого 6-го числа месяца сафара 1282 г. (17 июля 1865 г.) Гиджры, т.е. со дня присоединения страны нашей к числу областей Империи и обретения нами покровительства Монарха, мы были чрезвычайно довольны губернатором генерал-майором Черняевым и очень ему обязаны, потому что он сильною и многократною защитою нас бедных, оказанием почета и уважения, как большим из нас, так и малым, обеспечил наше спокойствие, которого мы не знали во время владычества коканцев и тем обязал нас вечною и безграничною благодарностью и заставил непрерывно молиться за Ваше Величество». Просьба написана 4 марта 1866 г. [18, с. 13, 30-31, 254-255].

На вновь обретенной территории началось административно-территориальное обустройство. Была образована Туркестанская область, в которую вошли среднеазиатские владения от Аральского моря до озера Иссык-Куль. В административном отношении область была поделена на три фланга: центр, правый и левый. Управление областью поручалось особому военному губернатору, с подчинением его Оренбургскому генерал-губернатору. Первым туркестанским губернатором стал генерал М.Г. Черняев. Отношение населения к нему было благосклонным. Согласно Высочайше утвержденному «Временному положению об управлении Туркестанской областью» (6 августа 1865 г.) была закреплена соответствующая форма управления областью (Статья 1): «В состав Туркестанской области входит: все пространство, составляющее прежнюю Сырдарьинскую линию, и весь край, занятый на юге от реки Чу».

Впервые в истории Российской им-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп.1. Д. 63. Л. 242 об.

перии законодательно закреплён был среднеазиатский вариант военно-народного управления (Статья 4): «Местное заведывание областью возлагается на особого военного губернатора, которому подчиняется как военное, так и военно-народное управление оной». В Статье 30 было определено: «Военно-народное управление Туркестанской области составляют а) военный губернатор; б) начальники отделов области; и в) управляющие туземным населением и городничие. Туземное городское управление составляют старший аксакал (как городской голова), аксакалы имеющие статус гласных городской думы и заведывающие кварталов, базар-баш – заведующий торговой полицией, кази – народные судьи. Статья 33 гласила: «Все чины военно-народного управления Туркестанской области принадлежат к числу чинов военного ведомства, получают содержание по смете оного и пользуются всеми правами чинов сего ведомства». По закону все чины народного управления формируются на основе выборности. Главная задача всех уровней власти, по правительственному распоряжению, заключалась в заботе о населении и обеспечении спокойствия в области¹.

Правительству предстояло решить вопрос о статусе Туркестанской области и гражданском устройстве её многонационального населения. Зависимость области от Оренбургского генерал-губернаторства усложняла решение задач административно-территориального устройства занятых владений. В 1865 г. в Степь и Туркестан была отправлена представительная правительственная комиссия, названная Степной, во главе с сенатором

¹ ПСЗ- II. Том 40, часть I. 1865. № 42372.

действительным статским советником Ф.К. Гирсом. В задачи комиссии входили: изучение географического, социально-экономического положения региона, его исторических и культурных традиций, разработка модели государственного управления с учетом образовательного уровня и нравов местного населения. На основании выводов Степной комиссии Александр II учредил в марте 1867 г. Особый комитет под председательством военного министра генерала Д.А. Милютина. В него вошли оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, директор Азиатского департамента тайный советник П.Н. Стремоухов, генерал-майор М.Г. Черняев, председатель Степной комиссии сенатор Ф.К. Гирс, полковник (впоследствии генерал) А.К. Гейнс, генерал К.К. Гутковский. Все они соприкасались с местным населением, его обычаями и хозяйственной этикой.

Особый комитет подготовил проект, который включал в себя предложения:

– определить самостоятельный статус Туркестана, отделив его от Оренбургского генерал-губернаторства;

– отделить от Западносибирского генерал-губернаторства часть Семипалатинской области, лежащей к югу от Тарбагатайского хребта и соединить её в административном отношении с Туркестанской областью;

– составить проект административного управления Туркестаном;

– выделить самостоятельный Туркестанский военный округ на общих основаниях военно-окружной системы.

В основу будущего реформирования управления Туркестаном легли принципы: нераздельность админи-

стративной и военной власти и предоставление внутреннего управления, не имеющим политического характера, местному населению [7, с. 7-8]. Проект получил практическое воплощение – 11 июля 1867 г. был дан именной указ Сенату об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей: Семиреченской и Сырдарьинской. Главное управление в области возлагалось на генерал-губернатора, а в областях – на военных губернаторов. По указу, как было предложено Особым комитетом, новому генерал-губернаторству передавалась «часть Семипалатинской области, лежащая к югу от Тарбагатайского хребта»¹. Одновременно 14 июля 1867 г. был определен первый туркестанский генерал-губернатор – им стал генерал К.П. фон Кауфман.

Директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов препровождал адресованное генерал-губернатору Высочайшее положение, подписанное императором Александром II, где указывалось: «Божиею попешествующею милостью мы Александр второй, император и самодержец Всероссийский и пр. и пр. Объявляем всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что поставляя всегда предметом попечений наших поддержание мирных и дружественных сношений со всеми соседними Российскими государству владениями, и постоянно заботясь о развитии торговли между обоюдными подданными, МЫ одинаковым желанием и в отношении сопредельных нам владений Эмира бухарского и других независимых владетелей [7, с. 11-12].

Генерал-губернатор был наделен чрезвычайно широкими полномочи-

¹ ПСЗ-II. Том 42, часть 1. 1867. № 44831.

ями. Он мог заключить мирные договоры, приводить желающих вступить в русское подданство к присяге, имел право награждать особо отличившихся в преданности России медалями за усердие. Он был одновременно командующим Туркестанским военным округом. Указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства поднял правовой статус Туркестанской области, её гражданской и военной администрации. Позитивный имидж К.П. фон Кауфмана еще больше укрепился в связи с решением бухарского, хивинского и кокандского вопросов. Несмотря на усилия Российского правительства о мирном регулировании конфликтных вопросов ни бухарский эмир, ни хивинский хан не хотели мириться с потерей своих владений.

В результате ряда поражений бухарских войск эмир 18 мая 1868 г. был вынужден заключить мир с Российской империей и согласился на следующие условия [3, с. 162]:

- уплатить контрибуцию в 500 000 руб.;
- предоставить русским подданным свободную торговлю в ханстве, принимая на себя их защиту;
- разрешить русским торговым людям учреждение торговых агентств во всех пунктах ханства;
- взимать пошлину с ввозимых русских товаров в размере одной сороковой их стоимости, что составит два с половиной процента;
- предоставить русским купцам свободный проезд через земли ханства в соседние государства.

Конфликт был и со стороны Хивинского ханства, но 12 августа 1873 г. хивинский хан и туркестанский генерал-губернатор подписали мирный

договор. По нему все хивинские земли по правому берегу Амударьи отошли к России, а русским предоставлено было право свободного проживания и беспошлинной торговли. Хан обязался уплатить 2 200 000 руб. военной контрибуции с рассрочкой уплаты на 20 лет [7, с. 25].

Относительно Кокандского ханства Высочайшая воля императора, исходившая из российских национальных интересов и интересов кокандского населения, была выражена таким образом: «взять» Кокандское ханство и образовать из него Ферганскую область. На самом деле Кокандское ханство представляло угрозу не только России, но и своему населению. Не случайно во время движения российских войск на Коканд народ с радостью выражал покорность «Белому царю» – 15 февраля 1876 г. состоялся торжественный въезд в Коканд временно командовавшего войсками генерала Г.А. Колпаковского, который объявил народу о принятии его в российское подданство. Образованная 19 февраля 1876 г. Ферганская область на территории Кокандского ханства вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, и ее первым военным губернатором стал генерал М.Д. Скобелев [5, с. 344].

Российские власти придерживались политкорректности по отношению к вассальным ханствам. Об этом С.В. Жуковский писал так: «Было бы большой погрешностью не коснуться здесь того положения, которое занимают в настоящее время правители Бухарского и Хивинского ханств. Для этого, казалось бы достаточно указать лишь на отношение русского правительства и Самого Верховного Вождя всей России к нынешним правителям Их Высоче-

ствам Сейид Алиму, Эмиру Бухарскому, и Сейид Асфендиар Бехадур Хану Хивинскому. Оба они состоят в Свите Его Императорского Величества Генерал-Майорами, оба носят Высочайше дарованный им титул Высочества, оба весьма часто и очень щедро осыпаются Государем Императором Царскими милостями, в смысле получения ими наивысших русских знаков отличия и проч., оба они становятся теперь довольно частыми желанными гостями Государя Императора. ... В свою очередь и Хан и, главным образом, Эмир стараются быть, по мере сил, полезными покровительствующей им России» [3, с. 171-172].

Политическое положение Туркестана еще больше упрочилось в связи с его административной самостоятельностью. После административно-территориальных изменений в Оренбургском крае и Западной Сибири Министерство внутренних дел представило их результат следующим образом: «...когда огромные пространства Средней Азии были присоединены к России, то в Ташкенте образовался новый центр, в котором сосредоточилось управление нашими Туркестанскими владениями, отсюда и стали производиться сношения с ханствами. Таким образом, Оренбургский край превратился во внутреннюю область Империи и сохранение в нем власти, облеченной особыми полномочиями, не только не оправдывалось более государственной необходимостью, но и вызывало серьезные затруднения. В виду того Оренбургское генерал-губернаторство упразднено 11 июля 1881 г.» [10, с. 175].

Упразднение Оренбургского генерал-губернаторства способствовало

расширению круга полномочий, особенно внешнеполитического характера Туркестанской областной администрации. Огромные территории, которыми управляло генерал-губернаторство, никак не вписывались в определение «область». Настало время приблизить Туркестанский край к имперскому государственному устройству. Более того, российский бизнес обратил внимание на Центральную Азию – её экономические ресурсы надо было ввести в общероссийский хозяйственный оборот. В 1882 г. умер К.П. фон Кауфман, генерал-губернатором стал М.Г. Черняев, который заявил властям о необходимости проведения ревизии в генерал-губернаторстве. Была утверждена сенаторская ревизия под председательством действительного статского советника Ф.К. Гирса. В состав комиссии вошли чиновники от министерств финансов, юстиции и внутренних дел. «Цель означенной Ревизии, – по словам Ф.К. Гирса, – заключалась в представлении Правительству настоящего состояния Туркестанского края в административном, судебном и финансовом отношении, как результата управления краем на основании высочайше одобренных временных положений, в нем действующих и особых распоряжений бывшего туркестанского генерал-губернатора, в силу предоставленной ему высочайшим повелением ... власти».

Заключительные результаты комиссии были следующие:

- скорейшее утверждение Положения об управлении краем в законодательном порядке;
- преобразование суда;
- передача в Министерство финансов заведывание всеми окладными и

неокладными сборами на общем основании;

- строгая и ответственная бережливость в употреблении казенных сумм, в особенности по строительной части, и, наконец, скорейшее рассмотрение предположений о введении новых налогов.

Комиссия негативно оценила военно-народное управление, и предложила отказаться от него как формы управления, поскольку Туркестан был готов к принятию общероссийского гражданского устройства. Интересны выводы комиссии: «Военно-народное управление необходимо только на первое время по завоевании страны; затем, когда край успокоится, оно замедляет гражданское развитие народа. Туркестанский край... настолько умиротворен, что настало время к дальнейшему сближению его с Россией путем возможного объединения его управления с общими учреждениями империи». Такого рода заключение комиссии вытекает из анализа результатов выборов волостного и аульного активов, в состав которых нередко попадали нечестные и даже преступные люди путем подкупов. Установлено также, что волостные управители и аульные старшины в основном некомпетентно исполняют служебные обязанности, допускают противоправные действия. Например, из 89 волостных управителей Ферганской области в течение трех лет уволено было почти половина персонального состава. Мотивы увольнения: некомпетентность и совершение противозаконных действий [12, с. 64, 461-463].

Ревизия ускорила принятие нового закона – 12 июня 1886 г. вышло «Положение об управлении Туркестанским

краем». Поменялся статус Туркестана, за ним закрепилось географическое название или номенклатура «край». Поскольку Туркестан граничил с зарубежными государствами, генерал-губернаторство как военная форма управления упрочилось (Статья 10 Положения): «Главное управление Туркестанского края вверяется генерал-губернатору, определяемому и увольняемому по непосредственному усмотрению его Императорского Величества высочайшими указами Правительствующему сенату и приказами в общеустановленном порядке».

Кроме того, структура закона включала: административное устройство; главное управление; управление отдельными частями; местные административные установления; судебное устройство; поземельное устройство оседлого и кочевого населения; подати и повинности; подати с оседлого и кочевого населения; земские повинности. Например, статья 300 гласила: «Кочевое население облагается, в доход казны, податью в размере четырех руб. с кибитки и всякого заменяющего её помещения... Подати собираются аульными старшинами, под квитанцию передается волостным управителям, а он сдает в её уездное казначейство». Оседлое население облагалось государственным поземельным налогом. Статья 270 указывала, что государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное пользование кочевников, на основании обычаев и правил Положения. Статья 80 – что волости заведываются волостными управителями, а сельские общества – сельскими старшинами¹. В

¹ Положение об управлении Туркестанского края (изд. 1886 г.): см. статьи 10, 80, 270, 300, 310.

этом узаконении не было статьи о военно-народном управлении, однако, как видно, порядок формирования народного самоуправления сохранился на волостном и аульном уровнях. Однако на этом не завершилось административное и гражданское устройство края. В последующие годы основные политические принципы, закрепленные в Положении 1886 г., не менялись, за исключением некоторых редакционных поправок касательно административно-территориальных изменений.

К началу XX в. Туркестанский край включал в себя 5 областей (Семиреченскую, Сырдарьинскую, Самаркандскую, Закаспийскую, Ферганскую) и два ханства, его население составляло 8 265 406 чел., в том числе узбеков, казахов, таджиков, туркмен, кыргызов, каракалпаков. Казачья и крестьянская колонизация в Туркестане выразилась в появлении 326 русских поселков, где проживало 248 500 человек. Значительная часть русских проживала в городах, в целом в начале XX в. численность русского населения приближалась к 500 тыс чел. [2, с. 1, 30; 15, с. 324, 332].

Успехи Российской империи в Средней Азии неоднозначно воспринимались на Западе. Политическая борьба за Центральную Азию усилилась после покорения Ташкента. В письме генерал-адъютанта Н.П. Игнатьева (посла в Константинополе) к директору Азиатского департамента МИД (15 февраля 1866 г.) приводятся данные о том, что ему известно о попытках английских эмиссаров спровоцировать население Яркента, Ташкента, Туркестана и Чимкента на восстание. Также замечены были послом неблагоприятные действия

бухарцев и кокандцев в Константинополе, выразившиеся в оскорблении среднеазиатских российских подданных в «измене и сдаче Ташкента»¹.

Соединенное королевство внимательно следило за внутривосточными и экономическими переменами в России и её новыми территориальными владениями. Английский министр иностранных дел граф Гренвилл ежедневно получал информацию из Санкт-Петербурга. Английский посол в России сэр Эдвард Торнтон с английской аккуратностью докладывал своему министру о событиях в России. Примечательна информация, поступившая (28 ноября 1881 г.) на стол Гренвиля от Торнтон. Для того чтобы передать повышенный английский интерес, приведем текст документа: «Я имею честь Вашему сиятельству [доложить], что корреспондент «Московских ведомостей» 21 ноября указывает на выгоды приобретения Россией от Закаспийской железной дороги с коммерческой, так и военной точки зрения.... Различную выгоду можно перечислить следующим образом: 1) богатые залежи нефти открыты, они способствуют развитию промышленности и сокращают содержание железной дороги; 2) связь Каспийского моря с Текинским оазисом доставляет возможность входить в торговые отношения с жителями; 3) разовьет торговлю с Хорасаном; 4) на долгое время отстраняются, если уже не отстранились, поводы для новых экспедиций, стоящих правительству большие деньги...5) не желая входить далеко в будущее, можно, однако, сказать, что этот железный путь (Закаспийский) представляется первым шагом к устройству прямо-

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 45. Л. 10-11.

го железнодорожного сообщения в Индию»².

Думается, в этом сообщении скрываются опасения англичан за свои владения и страх перед необъятными владениями Российской империи. Можно дополнить этот сюжет выдержкой из книги замечательного русского ученого, капитана Генерального штаба военного министерства Л.Ф. Костенко. В своей книге «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» он подчеркивает, что западноевропейским публицистам «в расширении русских пределов ... чудится исполинское развитие русской мощи и силы, которые со временем сокрушит существование запада» [17, с. 1]. Западные отзывы о российских владениях нередко перекликались с выступлениями некоторых российских публицистов, слабо представлявших отечественные национальные интересы в плане вхождения народов Центральной Азии в состав Российской империи. Однако они не учитывали главный мотив наступательных действий России в Средней Азии – гарантию безопасности на границах и торговых путях. Более того, общий положительный настрой народов Туркестана к Российской империи стал немаловажным фактором в принятии их в российское подданство.

Водворение русской гражданственности означало прежде всего гражданское устройство народов Центральной Азии, важным этапом которого было военно-народное управление со всеми его недостатками и достижениями. Это также отвечало национальным интересам Российской империи.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4869. Л. 4, 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Изд. Я.А. Исакова, 1868. 338 с.
2. Гейер И.И. Весь Русский Туркестан. Ташкент: Тип. Туркестанского Т-ва печатного дела, 1908. 348 с.
3. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: б/м, 1915. 214 с.
4. Из истории русского посольства в Бухару и освобождение оттуда русских пленных в 1821 г. (из архива Оренбургской ученой архивной комиссии) // Русский архив, издаваемый Петром Бартевым (младшим) [Кн. 4]. М.: Синодальная тип., 1915. С. 31-49.
5. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских / составил А.И. Макшеев. СПб.: Военная типография, 1890. 377 с.
6. К истории освобождения русских пленных из Хивы: сообщение действительного члена Оренбургской ученой архивной комиссии священника Николая Модестова // Русский архив, издаваемый Петром Бартевым (младшим) [Кн. 1]. М.: Синодальная тип., 1915. С. 427-458.
7. Краевое управление: отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб.: Сенатская тип., 1910. 355 с.
8. Кун А. Очерк Кокан[д]ского ханства (читано в общем собрании 4 февраля) // Известия Императорского Русского географического общества. 1876. Т. XII. С. 59-70.
9. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. 184 с.
10. Министерство внутренних дел: исторический очерк. СПб.: Тип. МВД, 1901. 180 с.
11. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. Аймермахера, Г. Бордюгова, изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003. 432 с.
12. Отчет ревизирующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, Тайного Советника Гирса. Б.м.: б.г. 464 с.
13. Очерк истории Министерства иностранных дел (1802-1902). СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.
14. Пояснительный текст к серии «Туркестан» (Средняя Азия): составлен О.А. Шкапским / под ред. Д.Н. Анучина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1909. 108 с.
15. Россия полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга [Т. 19] / под общим руководством П.П. Семенова-Тянь-Шанского и акад. В.И. Ламанского. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1913. 875 с.
16. Сборник узаконений о киргизах степных областей / сост. И.И. Крафт. Оренбург: Типо-литография П.Н. Жаринова, 1898. 532 с.
17. Средняя Азия водворение в ней русской гражданственности (с картою Средней Азии) / сост. капитан Генерального штаба Л. Костенко. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1870. 417 с.
18. Туркестанский край: сборник материалов для истории его завоевания [Т. 21. 1866 год. Ч. 1. Январь-Июнь] / сост. полк. А.Г. Серебрянников. Ташкент: Тип. штаба Туркестанского военного округа, 1915. 320 с.
19. Уляницкий В.А. Сношение России со Среднею Азию и Индию в XVI-XVII вв.: по документам Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. М.: Университетская тип., 1889. 68 с.
20. Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1843. 280 с.

21. Хива, или географическое и статистическое описание Хивинского ханства, состоящего теперь в войне с Россией, заимствованное из разных отечественных и иностранных писателей, с изображениями костюмов и вида города Хивы. М.: Университетская тип., 1840. 87 с.

REFERENCES

1. Galkin M.N. Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu [Ethnographic and Historical Materials on Central Asia and the Orenburg Territory]. SPb, Izd. YA.A. Isakova, 1868. 338 p.
2. Geier I.I. Ves' Russkii Turkestan [All Russian Turkestan]. Tashkent, Tip. Turkestanskogo T-va pechatnogo dela, 1908. 348 p.
3. Zhukovskii S V. Snosheniya Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie [Zhukovskiy V. Russian – Bukhara and Khiva Relations over the Past Tercentenary]. Pg., b/m, 1915. 214 p.
4. Iz istorii russkogo posol'stva v Bukharu i osvobozhdenie ottuda russkikh plennykh iv 1821 g. (iz arkhiva Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii [From the History of Russian Embassy to Bukhara and the 1821 Liberation of Russian Prisoners (From the Archive of the Orenburg Academic Archival Commission)] Russkii arkhiv, izdavaemyi Petrom Bartenevym (mladshim) [Kn. 4] [Russian archives published by Peter Bartenev (Junior) [Kn. 4]]. M, Sinodal'naya tip, 1915. pp. 31-49.
5. Istoricheskii obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh / sostavil A.I. Maksheev [Historical Survey of Turkestan and Russian Offensives There / compiled by A.I. Maksheev]. SPb, Voennaya tipografiya, 1890. 377 p.
6. K istorii osvobozhdeniya russkikh plennykh iz KHivy: soobshchenie deistvitel'nogo chlena Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii svyashchennika Nikolaya Modestova [On the History of the Liberation of the Russian Prisoners from Khiva: the message of priest Nikolai Modestov, Full Member of the Orenburg Scientific Archival Commission] Russkii arkhiv, izdavaemyi Petrom Bartenevym (mladshim) [Kn. 1] [Russian Archives Published by Peter Bartenev (Junior) [Book 1]]. M, Sinodal'naya tip, 1915. pp. 427-458.
7. Kraevoe upravlenie: otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po Vysochaishemu poveleniyu Senatorom gofmeisterom grafom K.K. Palenom [Regional Management: Senator Chamberlain Earl K.K. Palen's Revision Report on Turkestan, made according to an Imperial Order]. SPb, Senatskaya tip., 1910. 355 p.
8. Kun A. Ocherk Kokan[d]skogo khanstva (chitano v obshchem sobranii 4 fevralya) [Essay of Kokan[d]ski Khanate (Read at the General Meeting on 4th February)] Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. T. XII [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. XII]. pp. 59-70.
9. Meiendorf E. K. Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [A Journey from Orenburg to Bukhara]. M., Nauka, 1975. 184 p.
10. Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskii ocherk [The Ministry of Internal Affairs: Historical Essay]. SPb, Tip. MVD, 1901. 180 p.
11. Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh [National History in Soviet and Post-Soviet States]. ed. 2-e, Rev. and more. M., Fond Fridrikha Naumanna, 2003. 432 p.
12. Otchet revizuyushchego, po Vysochaishemu poveleniyu, Turkestanskii Krai, Tainogo Sovetnika Girsy [Privy Councillor Geers' s Inspecting Report, Made on the High Injunction, Turkestanskii Krai]. B. M., b.g. 464 p.
13. Ocherk istorii Ministerstva inostrannykh del (1802-1902) [Essay on the History of the Ministry of Foreign Affairs (1802-1902)]. SPb, T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1902. 206 p.
14. Poyasnitel'nyi tekst k serii «Turkestan» (Srednyaya Aziya): sostavlenn O.A. Shkapskim [Explanatory Text to the “Turkestan” Series (Central Asia): compiled by O. A. Shkapsky]. SPb, Tip. t-va «Obshchestvennaya Pol'za», 1909. 108 p.

15. Rossiya polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga [T. 19] [Russia: Complete Geographical Description of our Fatherland: Handbook and Road Book [Vol. 19]]. SPb, Izd. A.F. Devriena, 1913. 875 p.
16. Sbornik zakonov i kirgizakh stepnykh oblasteri [Compilation of Laws on the Kirghiz from Steppe Areas]. Orenburg, Tipo-litografiya P.N. Zharinova, 1898. 532 p.
17. Srednyaya Aziya vodvorenie v nei russkoi grazhdanstvennosti (s kartoyu Srednei Azii) [Central Asia: Establishment of Russian Citizenship There (with the Map of Central Asia)]. SPb, Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1870. 417 p.
18. Turkestanskii krai: sbornik materialov dlya istorii ego zavoevaniya [T. 21. 1866 god. CH. 1. Yanvar'-Iyun'] [Turkestan: the Collection of Materials for the History of its Conquest [Vol. 21. 1866. Part 1. January-June]]. Tashkent, Tip. shtaba Turkestanskogo voennogo okruga, 1915. 320 p.
19. Ulyanitskii V.A. Snoshenie Rossii so Sredneyu Aziyu i Indiyu v XVI-XVII vv.: po dokumentam Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva inostrannykh del [Russia - Middle Asia and India Relations in XVI-XVII centuries: the Documents of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. M., Universitetskaya tip, 1889. 68 p.
20. Khanykov N. Opisanie Bukharskogo khanstva [Description of the Bukhara Khanate]. SPb, Tip. Imp. Akademii Nauk, 1843. 280 p.
21. Khiva, ili geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Khivinskogo khanstva, sostoyashchego teper' v voine s Rossiei, zaimstvovannoe iz raznykh otechestvennykh i inostrannykh pisatelei, s izobrazheniyami kostyumov i vida goroda Khivy [Khiva, or Geographical and Statistical Description of the Khiva Khanate, Fighting with Russia at Present, Borrowed from Different Local and Foreign Writers, with Images of the Costumes and the Views of the Khiva city]. M., Universitetskaya tip, 1840. 87 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухамедина Шамшия – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, педагогики и психологии Уфимского государственного университета экономики и сервиса;
e-mail: mukhamedina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhamedina, Shamshiya – Doctor of Historical Sciences, Professor, professor of the department of History, Pedagogy and Psychology, Ufa State University of Economics and Service;
e-mail: mukhamedina@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мухамедина Ш. Водворение русской гражданственности в Центральной Азии (1865-1886 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 106-122.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-106-122

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Mukhamedina Sh. Establishment of Russian citizenship in Central Asia (1865-1886 years) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 106-122.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-106-122